

Глава 23. Луна того времени

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь полупрозрачную пелену облаков, лениво ползли по полу, пока не замерли в самом центре спальни. В этом ярком сиянии кружились мириады пылинок, а тяжелый полог кровати казался окутанным нежной золотистой вуалью.

Гу Чжао замер, полулежа на подушках. Он не сводил глаз с супруга, безмолвно любуясь спокойными, точеными чертами его лица.

Длинные ресницы Жун Цунцзиня отбрасывали легкие тени на бледные щеки, прямой нос и алые, словно тронутые кистью мастера губы на фоне кожи, белой как первый снег, создавали образ почти неземной. В этой красоте не было излишней броскости — скорее, она смягчала его обычную холодность, делая облик поистине безупречным.

Обычно взгляд Цзюнь-хоу, когда тот невзначай разглядывал окружающих, напоминал Гу Чжао его старшего брата, Наследного принца: такой же холодный, пронзительный и острый. От этого воспоминания у князя невольно начинало ныть в том месте, куда обычно прилетало за провинности. Но во сне Жун Цунцзинь терял эту пугающую властность. Он становился безмятежным и кротким, напоминая драгоценный нефрит без единого изъяна. Глядя на него, Гу Чжао чувствовал, как в душе, подобно лесному ручью под весенним солнцем, разливается тепло.

Не удержавшись, Гу Чжао улыбнулся и осторожно, едва дыша, коснулся пальцем губ супруга. Податливая плоть, нежная, как лепесток цветка, отозвалась под его кожей шелковистой гладкостью. Гу Чжао вспомнил их поцелуи: прохладный, едва уловимый аромат сливы под снегом, и то, как Жун Цунцзинь начинал прерывисто дышать, стоило прижать его чуть крепче...

Цунцзинь был так хорош, что Гу Чжао невольно задумался: не зря четвертый брат, стоило зайти речи о делах сердечных, всегда принимал такой самодовольный вид. Теперь и Гу Чжао осознал, что семейная жизнь — истинное наслаждение. Одно его удручало: почему никто не сказал ему об этом раньше?

— Почему Ваше Высочество не отдыхает? — раздался тихий, сонный голос Жун Цунцзиня. Он приоткрыл глаза, в которых еще плескалась ленивая нега.

— Я уже выспался, — отозвался Гу Чжао, но вместо того чтобы встать, он снова прилег рядом, осторожно переплетая свои пальцы с длинными пальцами супруга. — Спи, Цунцзинь.

Жун Цунцзинь привычно повернулся, прижимаясь к груди Гу Чжао, и слегка потерся плечом о его руку.

— Побудьте со мной... — пробормотал он, крепче сжимая ладонь мужа.

В знатных семьях новобрачные шуан-эры обязаны были с рассветом являться к свекрови, стоять подле нее во время трапез и безропотно сносить тяготы ритуалов в родовом храме. Даже самые крепкие юноши за месяц такой «школы» успевали изрядно осунуться.

Но Жун Цунцзинь, вопреки ожиданиям, в княжеской резиденции зажил куда вольготнее. Он просыпался, когда солнце стояло уже высоко, завтракал вместе с Гу Чжао, а если его мать, госпожа маркиза, присылала слугу — в мгновение ока оказывался в родительском поместье. С императрицей же видеться было сложнее: даже если бы Цунцзинь и захотел «прислуживать свекрови», у той попросту не нашлось бы на него времени. Власть в руках матери Наследного принца требовала неусыпного контроля, ведь она была главной опорой своего старшего сына.

Императрица и Наследный принц со спокойной душой доверили Гу Чжао заботам Жун Цунцзиня. Переехав из дворца Юннин в резиденцию Жуй, Гу Чжао, по сути, остался предоставлен самому себе.

Жун Цунцзинь скрыл за полуопущенными веками глубокую задумчивость. Несколько дней назад Люй Цзюйчжэн из Военного совета отправился вместе с четвертым принцем в Ичжоу. Цунцзинь знал: хотя Наследный принц и делает вид, что он тут ни при чем, на самом деле всё было спланировано заранее.

Этот Люй Цзюйчжэн не блистал талантами, зато славился непоколебимой честностью. В бытность свою цензором он только и ждал случая, чтобы принести во дворец собственный гроб и пасть смертью храбрых, обличая пороки. Император Цзяньюань, хоть и был человеком недалеким, этого «праведника» побаивался, а потому услал его в Военный совет, подальше от возможности давать советы.

В прошлой жизни Люй Цзюйчжэн всё же добился своего: когда император решил снести целый квартал ради строительства храма для заезжего даоса, старик в знак протеста расшиб себе голову о дворцовую колонну. Его смерть заставила государя отступить, пусть и всего на пару лет. Люй Цзюйчжэн был из тех людей, для которых репутация дороже жизни. Таких невозможно подкупить, но Наследный принц нашел способ заставить его действовать в своих интересах.

— Цунцзинь, а ты сыграешь мне на цине? — с надеждой в голосе спросил Гу Чжао.

— С чего вдруг такое желание? — рассмеялся Жун Цунцзинь. — Хорошо, я сыграю. Днем. Какую мелодию ты хотел бы услышать?

— Фу Тун говорила, что твоя игра подобна шуму сосен в глубоком ущелье. Мне очень хочется послушать, — признался Гу Чжао, немного смутившись.

Он никогда не питал любви к изящным искусствам и не понимал тонкостей музыки. Раньше, когда брат заставлял его слушать игру мастеров, Гу Чжао при первой же возможности сбежал ловить сверчков. Но музыку в исполнении супруга он был готов слушать вечно. В его воображении это представлялось чем-то необычайно нежным и спокойным.

— Ваше Высочество, я смотрю, вы неплохо ладите с Фу Тун, — Жун Цунцинь сел в постели и легким движением откинул волосы со спины, лукаво улыбаясь.

Гу Чжао кивнул и тоже поднялся, набрасывая на плечи халат.

— Они все ко мне добры. Совсем не так... как те люди в прошлом.

Он всегда остро чувствовал чужую неприязнь. В императорском дворце это чутье обострилось до предела. Би Тао и Фу Тун поначалу относились к нему с почтением лишь как к мужу своего господина, но теперь Гу Чжао видел: они искренне заботятся о нем. Такую теплоту невозможно подделать.

Улыбка Жун Цунциня чуть померкла. Он пристально посмотрел на мужа и тихо спросил:

— Ваше Высочество, я давно хотел спросить... Почему, когда вы переехали ко мне, с вами был только Сяо Лэцзы?

Гу Чжао так легко находил общий язык с его служанками, но никогда не упоминал тех, кто прислуживал ему во дворце. Это было странно для человека с таким добрым сердцем.

Они вставали поздно, и служанки еще не заходили в комнату. Жун Цунцинь принялся было сам собирать волосы, но Гу Чжао мягко усадил его перед зеркалом. Взяв нефритовую расческу, он начал медленно и бережно распутывать пряди, глядя на отражение супруга.

В тусклой меди зеркала облик Цунциня казался еще более пленительным, словно окутанным легкой дымкой.

— Знаешь, почему ты мне так нравишься? — внезапно спросил Гу Чжао, густо покраснев.

— Потому что я красив? Вы говорили об этом уже много раз, — Жун Цунцинь улыбнулся, встретившись с ним взглядом в зеркале. Ему было безразлично, как он выглядит, но если эта красота радовала мужа, значит, она имела смысл.

— Нет, — Гу Чжао медленно покачал головой. — Не только поэтому.

Он заговорил тише, и его голос наполнился странным трепетом:

— Три года назад, во время весеннего пира в зале Цзиин... Ты видел меня тогда.

Жун Цунцинь замер в замешательстве. Он долго пытался воскресить в памяти тот день, но в конце концов виновато произнес:

— Прости, я не помню.

Гу Чжао не расстроился. Напротив, его лицо озарилось светлой, почти детской улыбкой.

— Ничего страшного. Главное, что я помню.

«В тот вечер со мной был евнух Сяо Сицзи. Он... — Гу Чжао замялся, подбирая слова. — Думаю, он меня ненавидел. Из-за моей глупости ему часто доставалось от начальства, и он срывал злость на мне»

Сяо Сицзи воровал его обеды, ворчал и потихоньку выносил из дворца Юннин ценные вещи. Гу Чжао всё видел, но молчал. В те годы император был без ума от наложницы Лю, и императрице приходилось проявлять крайнюю осторожность, чтобы не навлечь на себя гнев супруга. Гу Чжао просто не хотел добавлять матери проблем, а потому прятал самые дорогие сердцу вещи в своем тайнике.

Перед тем самым пиром Гу Чжао обнаружил, что пропал нефритовый браслет — подарок матери. Он понял, что это дело рук Сяо Сицзи, и потребовал вернуть вещь. Слуга, разумеется, всё отрицал. Вечером, выбрав момент, когда на галереях было пусто, Гу Чжао снова попытался воззвать к совести евнуха.

В пылу спора Сяо Сицзи толкнул его. Гу Чжао уже готов был кубарем скатиться с мраморных ступеней, но чья-то рука крепко подхватила его. Это был Жун Цунцзинь. В тусклом свете фонарей он, вероятно, не узнал принца, решив, что один слуга обижает другого. Он сурово отчитал Сяо Сицзи и потребовал показать поясной жетон.

Увидев жетон дворца Юннин, Цунцзинь холодно произнес: «Если я еще раз увижу нечто подобное, я лично доложу в Управление евнухов, чтобы тебя перевели на каторжные работы». А затем он повернулся к Гу Чжао.

«Ты хоть и младше, но всё же мужчина, — сказал он тогда, поправляя смятый воротник его одежды. — Нельзя позволять себя унижать. Сначала ты сам должен расправить плечи, и тогда другие не посмеют тебя тронуть»

Гу Чжао тогда замер, не в силах отвести глаз. В теплом сиянии фонарей Жун Цунцзинь казался ему прекрасным небожителем, сошедшим на землю. Его голос, полный искренней заботы, навсегда запечатлелся в сердце принца. В тот миг даже боль от толчка бесследно исчезла.

«Позже брат узнал обо всем и вышвырнул Сяо Сицзи из дворца», — закончил Гу Чжао.

Жун Цунцзинь промолчал. Зная крутой нрав Наследного принца, он не сомневался: тот слуга вряд ли отделался простым изгнанием.

— А Наследный принц? Почему вы не рассказали ему сразу? — спросил Цунцинь.

— Брат тогда был в Лянчжоу, инспектировал войска, — пояснил Гу Чжао. — Он вернулся как раз тогда, когда всё вскрылось. Он прислал мне Сяо Лэцзы, а через год, когда они с невесткой поженились, она стала часто навещать меня. С тех пор меня никто не обижал.

Гу Чжао улыбнулся, и в его глазах отразился солнечный свет. Он неумело, но старательно закрепил венец в волосах супруга.

— Все говорили, что Сяо Сицзи был злым и издевался надо мной. А я думаю, что всё это было к лучшему. Ведь если бы не он, я бы никогда не встретил тебя.

Для него та мимолетная встреча у зала Цзиин стала самым прекрасным событием в жизни.

<http://bllate.org/book/13698/1585818>